

PROSOPON

№ 1/2011

[s. 89-102]

Ирина Б. Михеева, Юлия П. Середа

Проблематизация свободы как фактора личностных идентификационных практик в эпоху глобализации

Problematization of freedom as the factor of personal identity practices in the age of globalization

Keywords: *freedom, personal identity, the life strategies of individual, globalization, social reality*

Современная социальная реальность в совокупности своих систем, структур, элементов и механизмов качественно, необратимо и стремительно видоизменяется, иницилируя и провоцируя, в свою очередь, интеллектуальные поиски и исследовательские проекты, главная цель которых определяется задачами достижения адекватного понимания сущности и специфики происходящих трансформаций. Общая фактография трансформативных процессов и тенденций, которые сущностным образом меняют контуры актуального осмысления социальной действительности, довольно широка и разнообразна. Например, наблюдается интенсификация повсеместных социальных отношений, которые связывают отдаленные районы таким образом, что локальные феномены формируются под влиянием событий международного,

общемирового характера¹; активно создаются неправительственные организации и транснациональные объединения, которые действуют и функционируют независимо от государств²; активизируются репрезентации в общемировом масштабе специфических форм локального, их мобилизация в позиционировании себя³; инновационное развитие телекоммуникационных технологий снимает пространственно-временное ограничение в процессе взаимодействия и делает возможной так называемую «синхронную одновременность»⁴; формируются человеческие общности, не разделенные национально-этническими и культурными перегородками, способные к объединению либо вокруг крупных, планетарного масштаба целей, либо вокруг определенной частной проблемы; функциональными информационными связями вытесняются традиционные групповые связи, предполагающие ту или иную степень солидарности и взаимного сочувствия, и т.д.

Фактически можно утверждать, что современное социальное исследование, так или иначе, неизбежно вынуждено опираться на имманентную плюральность решений выше поставленных проблем. Как представляется, общим фоном любой исследовательской попытки «присмотреться» к окружающей реальности может быть тезис о том, что современность под микроскопом социального философа представляет

¹ Цитата по: Иванов, Д. В. *Эволюция концепции глобализации* / Д. В. Иванов // Электронная библиотека [Электронный ресурс]. – 2002. – Режим доступа: <http://masters.donntu.edu.ua/2003/fem/danilina/library/evolution.htm>. – Дата доступа: 25.08.2009

² Бек, У. *Что такое глобализация?* / У. Бек / Пер. с нем. А. Григорьева и В. Седельника; Общая редакция и послесл. А. Филишова. М: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.

³ Как указывает Р. Робертсон, в основании возможности приблизиться к современному пониманию многочисленных изменений лежит тезис о неизбежном и закономерном взаимодействии и взаимосвязи глобальных и локальных процессов. [Robertson, R. *Glocalization: Time-Space and Homogeneity-heterogeneity* // Featherstone M., Lash S., Robertson R., eds. *Global Modernities* (SAGE Publications, 1995), pp.25 – 44] Локальное не противостоит радикальным образом глобальным тенденциям. Робертсон, используя понятие «глокализация», благодаря которому происходит некоторое «размывание» изначально заданной дихотомии локального и глобального, стремится акцентировать внимание на специфическом понимании самого процесса глобализации, поскольку данный процесс – это всегда сравнительное соотношение глобального и локального. Несомненно, что транснациональные изменения в настоящий момент являются определяющими, но они неизбежно связаны с национально-локальным.

⁴ Бек, У. *Что такое глобализация?* / У. Бек / Пер. с нем. А. Григорьева и В. Седельника; Общая редакция и послесл. А. Филишова. М: Прогресс-Традиция, 2001. С. 44.

собой «пугающее, полифоническое пространство»⁵. В этом случае закономерным является вопрос о новых вариантах и способах исследования и анализа социальной действительности. Можно сказать, что содержательный горизонт приемлемых интерпретаций, конституированный происходящими трансформациями, включает в себя расширение и переосмысление ранее устойчивых и традиционных понятий: *общество, государство, нация, локальность, власть, демократия, время, пространство, субъект, идентичность*. Попытки объективно концептуализировать феномены сегодняшних социальных, культурных, политических изменений также во многом способствуют осознанию того факта, что современная реальность все менее может быть адекватно описана в терминах стабильных, устойчивых, упорядоченных структур.

Такое понимание во многом является следствием перманентного нахождения в условиях все более «возрастающей» (как это ни странно говорить об изначально не статичных по своей природе явлениях) мобильности, динамичности, скоротечности, причем как на уровне жизненных практик отдельно действующего индивида, так и на макросоциальном уровне глобализационных изменений. В этом отношении интересным представляется наблюдение З. Баумана, указывающего на то, что «степень отсутствия мобильности является в наши дни главным мерилom социального бесправия и несвободы»⁶.

В дополнение ко всему отмеченному выше современная гуманитаристика требует от исследователя рефлексивно-критической ревизии старых концептов и дефиниций в том числе и для того, чтобы составить новый «словарь», с помощью которого станет возможным актуально описать и проанализировать «картину мира», сложившуюся в первом десятилетии 21 века на более адекватном и соответствующем данной эпохе научно-исследовательском языке. В данном контексте весьма продуктивным может стать язык метафор, предлагаемый социологом Дж. Урри. Он стремится

⁵ Бауман, З. *Текущая современность* / З. Бауман / Пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. С. 117.

⁶ Бауман, З. *Индивидуализированное общество* / З. Бауман // Центр исследований постиндустриального общества [Электронный ресурс]. – М., «Логос», 2002. – Режим доступа: <http://www.postindustrial.net/content2/index.php?table=books&lang=russian.html>. – Дата доступа: 25.08.2009.

разработать новую методологию исследования социальной жизни, преимущественно используя такие метафоры, как «*сеть*», «*поток*», «*путешествие*» и различные их контекстуальные вариации. В частности, автором представлена, на наш взгляд, вполне релевантная современной «транснациональной жизни в пути» попытка понятийно очертить и некоторым образом маркировать существующий в режиме реального времени горизонт ключевых современных тенденций через анализ специфики как географической (или внешней), так и внутренней мобильности.

В целом, вышесказанное указывает на тотальный и радикальный характер происходящих преобразовательных процессов, которые несомненно и неминуемо приводят к изменениям не только на уровне общественных институций, социальных структур, историко-культурных кодификаций, но и на субъективно-личностном уровне в силу неизбежной вовлеченности/ встроенности индивида в социальное пространство посредством множества механизмов и способов (воз)действия. С другой стороны, можно сказать, что своеобразным индикатором изменений социокультурных реалий являются тенденции к трансформации сущности идентификационных процессов.

Иными словами, в современных условиях развития и модификации социальной реальности для актуального понимания происходящего на уровне выстраивания индивидуальных стратегий самоопределения и дальнейшего позиционирования себя необходимо фиксировать и учитывать факт появления так называемого феномена «пластичности» в механизме функционирования личностной идентификации. Можно утверждать, что современный индивид всё более активно, настойчиво и, главное, ответственно включается в процесс целенаправленного проектирования и формирования собственной жизненной стратегии посредством гибких содержательных преобразований в рамках своей идентификационной структуры, структуры своего само-образования («*self-constitution*») как перманентно имеющегося личностного «компаса» в пространстве социального, культурного, политического и прочих полей. Ключевыми факторами, которые сигнализируют о «пластичном» характере личностной идентичности, являются следующие: во-первых, *актуализация*

свободы как фундаментального источника ориентации на социальную активность; во-вторых, установка на включение рефлексивности в любом социально ориентированном действии и адекватной самооценки предпринимаемых решений; в-третьих, поливариантность идентификационного процесса и вытекающие из неё трансформативность и перманентный риск в выстраивании своей жизненной стратегии.

Следовательно, современность, интерпретируемая как «плавильный котёл» культур, традиций, наций, открытий и новаций, в том числе предоставляет возможность качественно и существенно корректировать себя самого, мир внутри себя (свою идентичность) и мир вокруг себя. В этом смысле «пластичность» идентичности является значимой частью комплементарной стратегии конструирования индивидом себя как ответственного, рефлексивного субъекта социальных практик. При этом следует учитывать, что процесс «строительства» самого себя всегда сталкивается с не определяемой и не учитываемой индивидом до конца фактичностью его жизни как внешнего/объективного, так и внутреннего/субъективного характера. И на вопрос, о том, кто же именно сегодня действует, кто пытается выстраивать самостоятельную идентификационную стратегию, мы можем вслед за Делезом ответить, что «это всегда некое множество, даже в говорящей и действующей личности. Мы все группки. И потому представительства больше нет, есть лишь действие»⁷. Принцип активного и ответственного действия, всё более доминирующий в структуре само-образования, указывает на то, что «пластика» личностной идентичности в своей актуализации способствует исчезновению индифферентности из жизненного горизонта индивида. Поскольку всё более действенно происходит сам процесс поиска своего определительного «маркера». Современный мир в своем бесконечно меняющемся разнообразии предлагает и настойчиво активизирует опцию «перманентного пересмотра» собственных субъективных оснований и позиций на предмет их соответствия складывающимся «здесь и сейчас» реалиям окружающей действительности. В этом отношении созвучным

⁷ Фуко, М. *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью* / М. Фуко / Пер. с франц. С. Ч. Офертаса под общей ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. - М.: Праксис, 2002. С. 67.

нашей эпохе является утверждение Ницше о том, что «не следует уклоняться от самоиспытаний, хотя это может быть самая опасная игра, в которую можно играть, и, в конце концов, это испытания, которые свидетельствуют перед нами самими, а не перед каким-нибудь другим судьей»⁸. Каждый раз, предпринимая всё новые попытки самоопределиваться, само-идентифицироваться, мы обнаруживаем новые варианты и формы идентификаций, принципы их выстраивания (этническая, виртуальная, городская, феминистская, гомосексуальная, космополитическая идентификация и т.д.), которые представляют собой всегда уже раскрытый веер многочисленных образов, которые не являются лишь копиями чего-то стереотипного и шаблонного, не репрезентируют себя через пастиш и имитацию «настоящей» идентичности. Действительно, «все глубокое любит маску»⁹. «Пластика» личностной идентичности позволяет нам проектировать и создавать свои собственные маски, под которыми находит своё укрытие глубинная стержневая структура нас самих, нашего Я. Цельность собственной идентичности не предполагает её окончательного, завершённого, замкнутого укоренения в чем-то, что кажется нам конкретным, но что есть абстрактное по своему содержанию (социальный порядок, территория, государство, культурные реалии, традиции, национальность, язык). Так или иначе, но постоянство, долговечность, универсальность, предопределённость и всё, что действовало в одной связке с данными понятиями, подвергается тотальному разрушению в силу появления новых идентичностей, которые «нарушают равновесие (устойчивость) индивида как цельного («unified») субъекта»¹⁰.

Как представляется, акцентирование именно феномена свободы в качестве первичного и основополагающего фактора, который доминирует в процессе модификации сущности идентификационных практик личности, является одновременно как закономерным, так и основополагающим моментом, поскольку как раз свобода как феномен и понятие обладает неисчерпаемым потенциалом своего участия в жизни человека, особенно в

⁸ Ницше, Ф. *По ту сторону добра и зла: Прелюдия к философии будущего* / Ф. Ницше / Пер. с нем. – СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2008. С. 54.

⁹ *Ibidem*, С. 53.

¹⁰ Wrobel, S. *Beyond Identity. Beyond Europe* / S. Wrobel // *The New Europe. Uncertain Identity and Borders*. Bialystok, 2007. P. 123.

условиях реального и возможного многообразия современных микроструктур. Свобода в своих разносложных импликациях и способах выражения является имманентным призывом и/или вопросом самому индивидуальному поиску оснований своей «цельности» и собранности в форме, отчетливую формулировку которой мы находим у Ницше: «Кто ты? Человек без всякого притворства? Или ты только актер? Ты заступаешь чье-нибудь место или же сам стоишь на своем месте? Наконец, уж не подражаешь ли ты всего-навсего какому-нибудь актеру?»¹¹. Именно с постановки самого себя под вопрос, с попытки при этом всмотреться, взглядеться (чтобы обрести свой «взгляд») в свои собственные пределы и границы (будучи уже всегда встроенным в определенную социальность с её многогранными размерностями и тотальностями) происходит первая и ключевая отсылка к пониманию и интерпретации своего собственного субъективного содержания свободы.

Такого рода рефлексивно-критическое пред-приятие (как аналитическая процедура, предоставляющая возможность самокритично обратиться к себе) изначально сталкивается с дилеммой определения своей (индивидуальной) степени и меры свободы и, соответственно, ответственности. Дилемма усложняется существованием перманентной и неустранимой двойственности индивида: с одной стороны, личностно-индивидуальная плоскость, с другой – социально-историческая. Будучи взаимосвязаны, они активизируются в зависимости от обстоятельств и контекста в самых разных пропорциях и масштабах. Специфика взаимодействия данных плоскостей может быть контурно очерчена через понятия *позитивной* и *негативной свободы*, авторская интерпретация которых представлена в рамках политической философии И. Берлина.

Фундаментальным теоретическим основанием его подхода является либеральная концепция индивида, в которой ключевым структурообразующим элементом выступает идея интерпретации *свободы как отсутствия ограничений*, препятствующих действиям человека и/или

¹¹ Ницше, Ф. *Падение кумиров: Сборник* / Ф. Ницше / Пер. с нем. – СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2007. С. 17.

группы людей в их намерениях поступать определенным образом¹². Согласно Берлину, это есть «негативная» свобода. В противоположность ей, «позитивная» свобода интерпретируется как возможность человека и/или группы людей самостоятельно, без вмешательства внешних факторов, определять свою судьбу¹³. По Берлину, в историческом развитии два введенных таким образом понятия свободы, развивались в расходящихся, противоположных направлениях, однако при этом существование обозначенных вариантов и наличие имеющихся у них различий рассматривается естественным, если не необходимым, условием их актуализации в социальной реальности. В свою очередь, индивид неизбежно оказывается включенным в тотальность выбора между «свободами».

На наш взгляд, более понятно и ясно может быть определен вариант «позитивной» свободы. В целом, именно он активно репрезентируется большинством, как для самих себя, так и для других. Свобода с утвердительным значением изначально требует от индивида некоторой по своей сущности противоречивой жертвы. Так, с одной стороны, он – «хозяин своей собственной жизни»; с другой, он должен отказаться от своей свободы в пользу более «высокого» измерения свободы, содержательное наполнение которого, как правило, актуализируется и широкомасштабно транслируется с помощью идеалов и норм так называемого «просвещенного» разума, цели, действия, идеалы которого активно проявляются в тех или иных формах политических систем, религий, традиций, культурных и социальных установок. Свобода индивида, стремящегося выстроить и оформить свою идентичность, оказывается, в данном случае, детерминирована сложившейся и строго кодифицированной системой ценностных ориентаций и социально-культурных компетентностей, которые развивают и в дальнейшем поддерживают устойчивую предрасположенность, готовность индивида к действиям, ориентированным на перманентную включенность в неизменно ограничивающие и конструирующие его (индивида) реалии социального порядка. Следовательно, пространство

¹² Берлин, И. *Две концепции свободы* / И. Берлин // Библиотека Якова Кротова [Электронный ресурс]. – Современный либерализм. М., 1998. С. 19 – 43. – Режим доступа: http://www.krotov.info/library/02_b/ber/lin.htm. – Дата доступа: 25.08.2009.

¹³ Берлин, И. *Две концепции свободы* / И. Берлин // Библиотека Якова Кротова [Электронный ресурс]. – Современный либерализм. М., 1998. С. 19 – 43. – Режим доступа: http://www.krotov.info/library/02_b/ber/lin.htm. – Дата доступа: 25.08.2009.

собственной свободы ограничивается степенью осознанного самопожертвования. Иными словами, «быть хозяином своей жизни» означает осуществить добровольный отказ от выбора своего Я в пользу «свободы» вести какой-то предписанный образ жизни¹⁴. В этой связи Берлин указывает на то, что «*позитивная*» концепция свободы может стать основой политических злоупотреблений. При этом принятое «правильное решение» противопоставляется той плоскости в структуре индивидуального Я, в которой собраны аспекты, проявления и феномены его «низкой» природы: влечения, желания, страсти и т.д. Таким образом, «реальное Я воспринимается как нечто более широкое, чем сам индивид [...] как некое социальное «целое» - будь то племя, раса, церковь, государство или великое сообщество всех живущих, умерших и еще не рожденных, в которое индивид включается в качестве элемента или аспекта»¹⁵. Берлин также отмечает, что формирование и развитие таких «высоких» идей привело к отождествлению свободы с разного рода политическими ограничениями, особенно в 19-20 веках. В высшей точке своего выражения подобного рода идеи парадоксальным образом трактуют свободу индивида как форму коллективного контроля, необходимую для самоопределения наций, социальных групп и, возможно, всего человечества в целом. В результате Берлин устанавливает возможность, а исходя из истории взаимоотношений человека и общества,- и действительное существование *связи между «позитивной» интерпретацией свободы и различными формами тоталитарных политических режимов*, нацеленных на всегда прозрачное, идеализированное стремление к достижению всеобщего блага. В этом смысле «позитивная» свобода в своем коллективном выражении претендует на конструирование «единой формулы, позволяющей привести в гармонию все разнообразные цели людей»¹⁶. Очевидно, что такие целевые установки и приоритеты утопичны, поскольку всегда есть аспекты, которые остаются не учтенными и не выявленными, латентно присутствующими в содержании каждой человеческой индивидуальности. Говорить о возможности формирования

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Берлин, И. *Две концепции свободы* / И. Берлин // Библиотека Якова Кротова [Электронный ресурс]. - Современный либерализм. М., 1998. С. 19 - 43. - Режим доступа: http://www.krotov.info/library/02_b/ber/lin.htm. - Дата доступа: 25.08.2009.

¹⁶ Ibidem.

цельного и универсального «взгляда» в мировой перспективе также сомнительно, особенно в рамках современных динамичных трансформаций.

В свою очередь «негативная» свобода, в интерпретации Берлина, наоборот, устанавливает незыблемые границы свободы человека, за которые не могут переступить ни властные механизмы и структуры, ни социально-культурные тотальности. Свобода в своем негативном варианте репрезентирует так называемый плюрализм индивидуальных ценностей, которые характеризуются объективным статусом и являются радикально не сводимыми к чему-либо, лежащему по ту сторону пространства ценностей и целей. Берлин полагает, что «плюрализм более человечен, ибо не отнимает у людей (как это делают создатели систем) ради далекого и внутренне противоречивого идеала многое из того, что они считают абсолютно необходимым для своей жизни...»¹⁷. В этом отношении можно сказать, что смысл свободы, раскрываемый через её негативное понимание, заключается в отсутствии препятствий к возможным выборам и активностям, которые могли бы потенциально привлечь к себе человека. Поэтому *свобода зависит не только от того, хочет ли индивид двигаться, и как далеко, но и от того, как много альтернатив ему при этом открыто*. Именно поэтому в рамках «негативной» свободы Берлин делает акцент на ценности свободы выбора как таковой. Так, в субъективно-повседневной реальности индивид перманентно должен выбирать по существу между одинаково значимыми ценностями и целями. В данном контексте дилемма жертвенности по отношению к индивидуальной свободе обретает иной ракурс. Речь идет о принципиально самостоятельном, не детерминированном внешними силами (будь то «просвещенный» разум, «идеальное» Я, социальное «целое»), вынужденном быть мучительным процессе определения своих ценностей и установок в режиме реального времени. Именно процесс необходимого и осознанного выбора придает ценность свободе, которая, как считал Актон, есть «цель-в-себе, а не временная потребность,

¹⁷ Берлин, И. *Две концепции свободы* / И. Берлин // Библиотека Якова Кротова [Электронный ресурс]. - Современный либерализм. М., 1998. С. 19 - 43. - Режим доступа: http://www.krotov.info/library/02_b/ber/lin.htm. - Дата доступа: 25.08.2009.

вырастающая из наших нечетких представлений и неразумной, неупорядоченной жизни»¹⁸.

Итак, можно утверждать, что, с одной стороны, выбрав измерение «негативной» свободы, индивид утверждает своё четко артикулированное намерение «не подвергаться посягательствам и быть предоставленным самому себе»¹⁹. При этом он берет на себя ответственность за совершаемый выбор в ситуации собственного самоопределения и выстраивания своей идентичности. Как писал ещё Ницше, «...что такое свобода, как не воля к ответственности за самого себя...»²⁰. Следовательно, самостоятельно делаемый выбор, так или иначе, должен в своем проектировании и осуществлении опираться (и делает это) на рефлексивность как залог эффективного и успешного решения какой-либо жизненной задачи. Как указывает Э. Гидденс, «сегодня для каждого самость – это рефлексивный проект, более или менее продолжительное изучение прошлого, настоящего и будущего. Это проект, выполняемый среди изобилия рефлексивных ресурсов: терапия и разного рода самоучители, телевизионные программы и журнальные статьи»²¹. Более того, «каждая социальная среда способствует собственному виду рациональности, вкладывает свой смысл в идею рациональной жизненной стратегии»²². Исходя из этого, можно констатировать, что такие признаки, как вариабельность, неоднозначность, незавершенность, которые в том числе включаются в современное содержание идентичности, необходимо сопряжены с рефлексивностью и адекватной оценкой предпринимаемых решений и действий.

С другой стороны, приверженность «негативной» свободе лишает индивида возможности переложить тяжесть обретенной свободы на другого, поэтому именно «негативная» свобода, зачастую оказывается не подъёмной ношей для индивида. В этом контексте интересным является

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ Берлин, И. *Две концепции свободы* / И. Берлин // Библиотека Якова Кротова [Электронный ресурс]. – Современный либерализм. М., 1998. С. 19 – 43. – Режим доступа: http://www.krotov.info/library/02_b/ber/lin.htm. – Дата доступа: 25.08.2009.

²⁰ Ницше, Ф. *Падение кумиров: Сборник* / Ф. Ницше / Пер. с нем. – СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2007. С. 101.

²¹ Гидденс, Э. *Трансформация интимности* / Э. Гидденс. – СПб.: Питер, 2004. С. 58.

²² Бауман, З. *Текущая современность* / З. Бауман / Пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. С. 117.

исследование феномена «бегства от свободы», предпринятое Э. Фроммом. Применительно к данной теме, его теоретические наработки являются весьма продуктивными, в некоторой степени комплементарными дополнениями к интерпретации содержания понятия «негативной» свободы у Берлина.

В целом, подходы данных авторов в своей совокупности указывают на противоречивую сущность самого феномена свободы в современной реальности. Дихотомия «свободы от» и «свободы для» фиксирует принципиальную неустранимость вопроса о собственном самоопределении индивида, который, в свою очередь, неизбежно связан с проблемой свободы как ценности, незаменимой никакой другой ценностью. В свою очередь, необходимо отметить, что позиционирование собственного самостоятельного статуса индивидом не указывает на его привилегированное положение над обществом как таковым. В данной ситуации речь не идет о новых формах социального атомизма, сингуляризма или индивидуализированного монизма, поскольку происходит взаимная трансформация как индивида, так и общества как социальной системы. Подобного рода констелляция индивидуального и социального маркирует появление новых тенденций в развитии и выстраивании взаимоотношений между социальной системой и человеком. Так, сегодня уже свершившимся фактом является наблюдение современного немецкого социолога Х. Йоаса, согласно которому «на место классового общества придет многообразие анклавов индивидуализированных стилей жизни и аномия относительно вопросов общеобязательных культурных ориентаций»²³.

Итак, подведем краткие итоги. Трансформации и преобразования современного мира, в том числе существенно и качественно меняют привычные и устоявшиеся формы и способы осуществления индивидом собственной идентификации. Сегодня на процесс формирования содержания личностной идентичности влияют такие феномены, как мобильность, детерриториализация, полилокальность, транснациональность и т.д. В этой связи, изменение и модификация форм и практик идентификационных процессов – это специфическая жизненно важная

²³ Йоас, Х. *Креативность действия* / Х. Йоас / пер. с нем. – СПб.: Алетейя, 2005. С. 268.

потребность современного мира, фундируемая устойчивым и открытым притязанием индивида на самоконструирование и успешную (в идеале) самореализацию.

Феномен свободы (её актуальные репрезентации как «негативной» и «позитивной» свободы) в качестве фундаментального источника появления и развития «пластики» личностной идентичности открывает в макросоциальном масштабе перспективы на творческое и самосознательное формирование субъекта социальных практик, включенного автоматически фактом своего рождения в ту или иную социальную систему. Опция «пластичной идентичности» предоставляет индивиду возможность избежать своеобразной субъективной ксенофобии по отношению к другому, новому или иному, которое, как правило, в целях выстраивания доступного по содержанию жизненного горизонта маркируется как чужое. Именно этот шаг идентификационного процесса позволяет определенным образом обозначить границы и пределы (как различие) между собой и Другим, поскольку, в сущности, «верстовые столбы» личностной идентичности представляют собой выпукло обозначенные уже имеющиеся, формирующиеся и трансформирующиеся различия в структуре современной социокультурной реальности. Так, сегодняшняя концентрация активных действий индивида в сфере актуализации вышеотмеченных «свобод» высвечивает всё более явно существование уже никаким образом не маскируемых различий и плюральностей в формах, способах и ориентациях индивидуальной жизни. Именно различия как потенциальные и действительные возможности стать другой/другим являются основанием для формирования и функционирования «пластичных» практик идентификации. Однако процесс поиска подходящего решения – одна из самых «неразрешимых» задач человеческого существования: действовать как индивидуальное существо, изначально обладающее неприкосновенным и неисчерпаемым минимумом «свободы от» или включить себя в качестве элемента/звена в какую-либо структуру (группа, класс, нация и т.д.), соглашаясь при этом на редукцию своей свободы в пользу более «высокой», более просвещенной «свободы для». Обе позиции указывают на необходимость признания определенных, ключевых констант, которые, собственно, и позволяют зафиксировать их

как перманентно существующие и непримиримые друг с другом самоочевидности. В свою очередь, стремление выбирать между «позитивной» и «негативной» свободой – это импульс, развязывающий действие всего причинного комплекса специфической трансформации личностных идентификационных стратегий современности.

Summary

In the article specificity of the qualitative transformation of the contemporary personal identification practices and strategies in the context of actualization of positive and negative freedom is analyzed. The attempt to reveal ambiguity and discrepancy of the subject's self-identification process which in modern conditions gets a «plastic» character of active functioning is made. The thesis that phenomenon «freedom» in its actual representations, which actively participating in formation and development of personal identity «plastics», opens in the macro social scale the possibilities of reflective and responsible formation by the individual her or his identity in the structure of diverse social practices is proved.